

Л. Богданов

КРАСНЫЕ КАРТОЧКИ

как пишут на шелку, в орнаментальном стиле, со всей равнины камышей, из таких потоков где по камням течет мелкая, но черная вода красивыми петлями, которые мы видим сверху, собирается эта река /а не из Луги и таких притоков, да и не важно ее название 200./ От моря сюда, до почти неуловимого порога по ней, это я видел, прилетают два белых морских орлана держась друг за другом. Ничего не слышно, поезд встал и ветер видим. Птицы возвращаются чистые, Балтийское солнце оставляя с правого бока. Не помню где это, год 52-ой.

... "Чудесным образом", скорее чем изменится внутренне и внутри, чем что-то повторится в окружающей природе целое; напоминание существует ради сравнения в уме изменений — к лучшему. А понимание доходит только до приятного, т.е. оно протекает в окружении никакого и неприятного, как "Футбол 189... года".

"Кто старое помянет...", что же в этом приятного? То, что — только так испытывается полезность фикции времени. А пословица, со своей фиктивной абсурдностью? Основывается на необходимости поддержать коллективное суеверие. А поддержанное такой формой самосознания общество противостоит наркоманической и кшатрийской дваждырожденности, до-словности.

"Пайсам-Чонсан"

Опавшие листья у хижин
где коротаю досуг

Возле самых ворот,
где нога человека, похоже,
не ступала с утра,
на опавшей листве павлоний
росяной влаги прозрачный отблеск.

разве все люди так согласны жить? в коммунальных квартирах, в одной комнате? "Хорошо сейчас там, где нас нет", как то, что всегда где-то в космосе льется пиво. Вся мысль в этом. Рядом с условным резонерством безусловно-абсурдное... Как нет не пустого в сущности от значения вне речевого контекста... тут мы уже за диалогом, как за околицей, с фантомами загадок. каждый красный дом музейный экспонат, осколок другой исторической эпохи, ново-голландской... небо желто-зеленов к буре в Прибалтике. небо зелено на восходе от брызг морской воды. ходячее это мнение или правда? Не должны ли мы считать все пословицы порожденными художественным вымыслом?

ПОДМОСТКИ.

но и: где я это там потом все тогда и беру? Я освободился и не нахожу места... Всего надо рядом, вместе с тем все есть и ничего не надо. Стихотворение на предыдущей странице — пьеса, либретто, идея. Довмонтов город на Петроградской. Чтобы дух был ровен в день. Лиши смысла пословицу — анти-Даль — тренировка в разблуживании. "Не все коту масленица..." — анти-Мелвилл пломбирный Пипл Темпл

что называть, смотря ясным взглядом. При ярком свете это все /связанное с умиранием/ становится видно и вот почему когда этого нет свет неяркий. Так же как близкие, непереносимыми становятся пословицы, когда понимаешь, что тех и тех роднит одно абсурдное, невыразимое в мире слов и условного значения. И как неяркий свет не дает предвидеть, так же условными значениями ослеплено сознание лиц. Что же должно успокаивать? — Что дети в субботу еще только ходят в школу? И им больше достается света совести. В азербайджанский чай переплетен Рёан с Рёканом, с оранжевым солнцем, а мы пьем чай из Ленкорани, вот что-то такое для противовеса.

— Где мне напечатать твоё стихотворение, здесь же? Если небо утром зеленое, обязательно будут известия о буре на Балтике. Просто желтое, чтобы не дремал. Так вот холодно и как бы не существует ничего и этого то, что с трудом удавалось вспомнить. Так холодно и бывает только

в феврале-марте.

Крепкое розовое. И вот сплошь за разом выходит что сильного света нет и достаточно крепкого чая нет. Все окутано патиной здравого смысла и только из-за того и становится выносимо кичливое и пошлое на земле. Я ничего не видел только месяц и шесть дней, а что-то случилось. И один только ты можешь и выжить в создавшихся условиях.

Как краток первый проход на воле, как легки, ну а это и на три - первые две бутылки "Лидии".

полторы недели. И я и идти не могу, а могу что-то выделять такое ногами. Время года, та весна, что последует за иленти-фикациями в пустыне. И что ты значил и считали ее осенние циклады и ордена "Известий", стрелки в стиле Бернара Бюффе на будильнике и неуловимо напоминающая на что-то перепечатка - коаны Рёкана - Черно-корейская-месса буддийская - утренний прогноз. Марта 1-ое, как всегда пасмурно. Легче первомартовского дуновения свежего воздуха в атмосфере чайной, после кризиса простудной болезни. Мартовский человек.

Лежа и руками я пытаюсь воспроизвести благоговейные жесты безличностной благодарности им "радости"

Недавно в прессе появилось сообщение, что исследования одного ученого из Америки показывают, что индейцы майя в своих летописях отмечали фазы планеты Венера так же пристально, как мы положение Луны. Сегодня 1-ое марта, спускаемый аппарат был посажен на Венеру... птица поет немного звонче, случаем, когда воды так много, что всю грязную посуду и сальную решетку в раковине и саму раковину можно равномерно промыть под непрерывной струей, когда чая так много, что день кроме снов состоит из церемоний, благодарящих Веру, которая все для тебя все-таки сделала... и т.д. когда глаза и не замечают никаких перемен к лучшему, кроме как уточнений в чайной утвари, в сторону упрощения ритуала, когда свободы столько, что буквально места себе не находишь... и т.п. По-видимому и не хочется расставаться ни с чем этим.

2-го. Алжир требует выдать Францию участников банды, укравшей нескольких Ренуаров в Алжире.

Ну, а когда, как не 2-го, марта бывают вторые похороны рыбаков с потонувшего судна. Вера видела

Я еще из тех периодов, когда художники ходили ватагой, из всего Фолнера "справедливости" и "красных листьев" ради, вырезывал "стрекозу и муравей". Иллюстрированный Jimmy H. В местах не столь отдаленных слышал по радио объявление о лекции Меньшикова об Алексееве. Как с моим диван-кроватью. /Был заказан порошковый Лотреамон/. Не только хуже оплывший, чем на булыжниках, лед, но и крошеный, как гранит воплощенный во льду... Родился я верно с головной пронзительной болью. В феноменально короткий, мистический срок не тривиальным образом разрушал вещи с общей точки зрения зрелые, раздавить в руках чашку, и т.д. Слова отца за едой - вывод, что к сказкам и басням относится большинство, если не все "не даром говорится" в пословицах. Объявляя народнические мифы ересью открыто, он оказывал влияние авторитетом отца и за обедом. Но на кувшинчик молока вечером на утро напоят. Низкое небо издавна началось как и чернота не этой весны, силы Инь-и Ян, антитеза жизненности и иллюзорной темной безжизненности, медленнее всего поворачивающаяся идея. Но и вместе с тем вырастающая безначальная очеловеченности копошения пустоты, очеловеченность безлюдья и предрассветный свет, из чего кажется и происходит светный свет, из чего кажется и происходит существование еще некоторых форм общения, сумерки в которых сумело затаиться человеческое существование. кажущееся противоречивой человечности улицы рядом с абстрактностью номера, понятия величины или антропоморфным и зооморфным. Светает и желтое перестает просто пугать, зеленое освещать, черное блеснуть. 400. Видьте крупнее, точно, воздуха течение приостановилось, началось что-то весеннее. Март сообщил свою золотистость

Есть еще и все остальное.

забыл записать, что, как симфонический оркестр, по телевизору, похож на помойку. а еще там была кирха: никого, все залито солнцем.

эпический траги-комизм, в конечном счете тоталитаризм жизни

создает культ сильных чувств. В непереносимом давлении страстей на мою натуру разглядывается только то положительное, что полное несогласие мое со школой сильных чувств одно поддерживает эфемерное существование индивидуалистической модели в философском подходе к существованию. Кроме несогласия ничто бы и не напоминало о существовании моего, другого взгляда. Так все-таки легче. Деревенька весенняя, на поворотном круге в этот раз не дала о себе знать, не успела. Что-то там сплавлялось постепенно из дополнительного света ночью — грязно-желтого, днем, к вечеру ничего на вид даже приятного. Теплом оттуда впервые веяло! Как-то под вечер второго дня, 5-го марта стало видно как лед изменился в отражения и перед нами опять абсолютное единство раздвоения. сопутствующий пар стал как туман повыше домов, вы замечаете что и здесь мы, как и везде в этом отрывке, чем-то отделены от источника света...

- Господин отец, а господин отец, что если Адамы весь этот бы бы неправ?

Начать с того, что мне этот скромный скрытый рынок не мешал, как и весь район, что-то вроде между свай и деревня на разводной части моста, как и их кустарщина. Пусть там не было тропических плодов... Вот хранить подобные воспоминания как об местах ниже уровня моря, хотя бы только в уме — в этой деятельности уже что-то титаническое...

на пути, которым никуда нельзя сходить, т.к. на всем пути ничего открытого нет. им можно только идти, как оттуда /из Волковой деревни/ в клуб X-летия Октября. Работающий ночью на излучине гастроном речного участка и трактир в многоэтажной школе и больше нечего вспомнить. Этот одинокий путь, которым когда идешь все в твоей воле. к слову яркое запомнилось вмешательство чужой воли, это клумба где вперемешку с садовыми ромашками посеяны васильки обыкновенные. но и как бы неожиданно, надуманно оно не возникало, это не произвело диссонанса. Я описываю, что бы мне хотелось взять для своего города. Я хотел бы взять путь по задворкам на котором и человека то не встретишь, надо брать его с собой в дорогу и потом стараться не растерять двуединого восприятия. Охотник поговорить. Но мы еще вернемся /к этому вопросу/.

Это было во времена, когда проводилась кампания по борьбе за экономию электричества. "В двух полутемных шагах она обернулась, оглянулась..." Оборот составил образец современной прозы. Но ведь только на место чернокожего себя и принято было ставить. Почему же на окраине чувствуешь себя первооткрывателем, там где все осмысливаемое дословно где обширные горизонты и ты один на один с еще более одиноким вторым своим я? Очередь за вином у светящихся забегаловок и магазинов. То же окраина... может человеку как за вином туда надо или просто он может шел за вином?

Первую весну, с туманами, ту, что для поэтов, когда можно куда-то пойти, если бы не вялость, просыпаю. Думаю, самую скованность, перехожу из угла в угол, внутренний голос говорит что когда само оцепенение качественно изменится, превратится в весеннее, поглядывать будет поздно, если поглядывать то тут. Так думают многие. У людей прорезались птичьи голоса. Умер Т.Монк, а в Купчине с птицами дело обстоит, как в зоопарке, встречаются птички и очень красивые.

а это так только потому, что там, вообще кумирня "на углу". Что же рассмотришь в чужой тени великого в малом, дающего судебная орнаментика восточная

Процветание на снегу черных по-весеннему колючих кустов и людей в темной зимней одежде, заметных на последнем снегу. Брейгель тоже жил над детским садом. А мы тут стоим /на Мало-Московской/ защищать вершки православия. Про обед - запретный плод. Заявляется о готовности районов к половодью и настроение должно подняться. Кстати, нашей тропкой, где знакомы все неровности почвы, рытвины и ухабы, на закате бредут и бредут люди. Дети сегодня индифферентны. Проходят минуты, а кажется, что все прошло. Весна. А люди все идут - и полшестого и полседьмого.

Только когда с кондициями 2000-ого года будет сосуществовать безвременье зимнего Санкт-Петербургского двора и осуществлять фантазию художника начала шестипесятих годов, полноценно будет осуществляться принцип жизни, заложенный код будет

проступать прямо и правильно, как время на электрических часах с выскакивающими цифрами. Тогда этот шифр непосредственно, без перевода будет доходить по сознанию и осуществлению своего, а когда не одновременно сосуществуют эти факторы, то патологически не походит смысл жизни.

Как и читать об Кяхте не пив чая не советует не залежалый, как невечерний, как язык — совесть. Момент, когда персонажи молчат, а яблони цветут, вечен. Молча глядят с улицы через палисадник в окно и им кажется разное одно и то же. Максимум фиксации. Предложение новоиспеченную француженку хлебом накормить, а так в остальном она нормальная. Главы, и я потом много раз убеждался, как продуктивно подвергать данной интуиции жизнь характеров. От их сложности камня на камне не остается. Спрашивается даже не что, не на что ты смотришь и что ты видишь просыпаясь — как часто это бывает, а сколько раз начиная с полудня ты видишь что-то как впервые. Например — час поглядел на весеннюю улицу, ближе к двум также поглядел на плеток, застывший на домашнем туфле и т.д. И вот выходит, что именно потому, что тебе нечего об этом сказать, — и говорится. И опять как не было ничего на другой день. Освещенные окна — как созвездия, а сами созвездия наблюдаются в открытые форточки — видимое гигантское световое табло. В разные часы и дни говорящие о разном, но о вещах предельно значимых. Это и есть язык цивилизации. Вот и кажется, что тебе многое предстоит узнать. И ничего в ней не понимая не вижу причин не любить то, что дошло и понял. В самом этом — по себе не вижу ничего нового, как в проблеме. Солнце встает на небе равномерно. А сверху оно вот такое и есть — не белое и не красное. А так то те племена, что считаются самыми счастливыми, кроме того, что лежат, да стоя заботятся о хлебе насущном просто еще и волят хороводы друг за другом согнувшись и это вся мудрость. Шесть по семидесяти на юге Хоккайдо. И Калабрия. Ряд огней — каждый огонь новый — смысл ряда /у Коздова/...

И у детей бывают дни когда что-то не клеится, но в массовых играх мы этого и не видим. И так приятно на них смотреть, как писателю писать, когда не пишешь ведь тоже что-то не в порядке. А когда пишешь и не замечаешь, как время проходит.

Я понимаю, что то сравнение было предельным, дальше оставалось сказать, что Брейгель и есть такой писатель, который рисует, поняв тщету слов. Есть красный и черный цвета на белой бумаге и есть белый свет в витраже. Белый цвет и белый свет, каждый мучается сам по себе. Предельное сближение. Учись не делать ничего. Только такой безащелляционный контраст, как красного с черным, вызывает представление от "белого" цвета. О белом свете, но с этим каждый сам должен знать, что делать.

Глаза устали от голубизны, с музыкой порывистого ветра, которого нельзя не заметить. Как бы и мы попойдем.

По поводу Брейгеля. Поселите на мое место детского писателя, чтобы он мог наблюдать за играми детей. Снег в марте стал такой ноздреватый, грязный и рыхлый, что все дети собрались на замерзшей луже. Они больше всего напоминают сточенные цветные карандаши или надломанные мелки. Что они делают на льду? Нам уже почти ничего не дано и мы испытываем уважение, считаем, что это самоуважение — не требовать, чтобы мы осмыслили по-особенному то небольшое, что есть. Например, игры детей. Чтобы их осмыслил один человек этого много. Мне, как бы, вот с этим приходится дело иметь. Но, если подумать, то со многими и другим. Параллель детским играм. Я почему-то выбрал декабрьскую оттепель на городских каналах, но это сближение отдаленного. Давно.

Такой яркий блик на окне, что и стены и ничего кругом не видеть. На небе гряды дождевых разорванных туч. Ветер. Постукивает с вечера вчерашнего нам дом всеми балконными приспособлениями. Продувается городская окраина. Люди в весенней одежде держатся кучей, чтобы не унесло, как цветные лоскутья бумаги. Воскресение. Весной не страшно. Холодно по-настоящему. Только после этого установились утренники, в хорошее солнечное утро у нас между домами сизый туман, непохоже на любую другую погоду. Начиная идти люди видят весь свой путь намного дальше. Так бывает при безоблачном небе оттого, что сейчас еще солнце неспособно разморить. Веет духом весеннего благородства. Сколько бы не было воды под снегом и под ногами, как красиво. Как чай хватает за душу. Ранняя весна, утро. От весны до весны — несколько лет. И что всю жизнь будешь

непризнан — оцени это. Отец наш старался, чтобы мы были — счастливыми, а не призрачными. Снег в Баку, в Грузии, в Сухуми — он это видел. Подземные толчки в южной Боливии, южной Мексике...

//////////